

Анатолий Викторович Грачев

Омский государственный педагогический университет, кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории, Омск, Россия
e-mail: a.v.grachyov@mail.ru

Антон Александрович Стегнюшин

Омский государственный педагогический университет, кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории, Омск, Россия
e-mail: a_stegniushin@mail.ru

**Учитель в системе обучения и воспитания Сибирского казачьего войска
(XIX — начало XX века)**

Аннотация. Статья посвящена определению места и роли учителя в системе образования Сибирского казачьего войска (XIX — начало XX в.). Рассмотрены основные этапы становления института учительства и факторы, приводившие к их смене. Показаны механизмы взаимодействия войсковой администрации и государственной власти по вопросам образования. Определены основные проблемы и трудности, с которыми сталкивались учителя в Сибирском казачьем войске. Выявлена роль учителя в казачьей среде на разных этапах трансформации системы образования.

Ключевые слова: учитель, обучение, воспитание, школа, сибирское казачество, войско, Западная Сибирь.

Anatoliy V. Grachev

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of National History, Omsk, Russia
e-mail: a.v.grachyov@mail.ru

Anton A. Stegniushin

Omsk State Pedagogical University, Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of National History, Omsk, Russia
e-mail: a_stegniushin@mail.ru

**Teacher in the System of Training and Education of the Siberian Cossack Army
(19th — Early 20th Century)**

Abstract. The article is devoted to determining the place and role of the teacher in the education system of the Siberian Cossack army (19th — early 20th century). The main stages of the formation of the institute of teaching and the factors that led to their change are considered. The mechanisms of interaction between the military administration and the state authority on education are shown. The main problems and difficulties faced by teachers in the Siberian Cossack army are identified. The role of the teacher in the Cossack environment at different stages of the transformation of the education system is revealed.

Keywords: teacher, training, education, school, Siberian Cossacks, army, Western Siberia.

Введение (Introduction)

К числу современных тенденций развития историко-педагогических исследований можно отнести дифференциацию истории педагогики, расширение историко-образовательной проблематики, поиск историко-педагогических источников, взаимообмен и взаимодействие с другими науками, такими как антропология, социология, этнология, психология и т. д.

Появление новых направлений в историко-педагогических исследованиях, таких как история образования локальных сообществ, история женского образования, история семьи, история распространения грамотности, история чтения, история детства и др. — становится явным трендом [1, с. 136]. Стоит отметить и большой интерес исследователей к истории становления системы образования сословий Российской империи, в том числе казачьего сословия.

Подобные тенденции находятся в ракурсе интереса к региональному опыту обучения, что, в свою очередь, позволяет ввести новые персоналии регионального масштаба и выявить особенности становления систем образования в регионе.

Обращение к опыту организации образовательного процесса казачьим сословием приобретает дополнительный интерес в контексте возрастающего внимания к вопросу воспитания в современной системе образования России. Эта тенденция в явном виде наблюдается в изменениях Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС). К появившимся в 2020 г. требованиям рабочей программы воспитания в 2022 г. было определено место учебного предмета «Основы духовно-нравственной культуры народов России». Все эти изменения требуют учета исторического опыта в целом и казачьего образования в частности, как системы, испытывающей в свое время определенные сложности и трудности в организации процесса обучения и воспитания.

В современной школе роль учителя в процессе образования и воспитания сложно переоценить, но совершенно особенной роль учителя была до появления массовой школы. Именно учитель был центром функционирования образовательного пространства. Исходя из этого, определение места и роли учителя в казачьем образовании XIX — начала XX в. позволит воссоздать более целостную картину становления как системы образования России, так и института учительства.

Методы (Methods)

В нашем историко-педагогическом исследовании использованы ключевые принципы системного подхода. Образование и воспитание в Сибирском казачьем войске, с одной стороны, рассматривается как целостная система, с присущими ей характеристиками, с другой — является одним из компонентов системы образования Российской империи в целом. В контексте указанного подхода особое внимание уделялось изменениям системы, определению внешних и внутренних факторов, предопределивших логику ее развития, и определению условий, в рамках которых система функционировала.

Опыт организации образовательного процесса Сибирским казачьим войском относится к локальному опыту, поэтому в исследовании использованы принципы регионального подхода. В рамках подхода акцент сделан на выявлении специфичных характеристик, определении положительного и отрицательного опыта, индивидуальных особенностей обозначенного локального сообщества.

Литературный обзор (Literature Review)

Среди современных научных работ историко-педагогического направления, рассматривающих вопросы истории казачьего образования, можно выделить две основные группы. Во-первых, это монографии и статьи общего характера по истории казачества, рассматривающие казачьи традиции в контексте возможного применения в педагогическом процессе, без привязки к историческому периоду и конкретному войску. К ним можно отнести работы Л. О. Терновой,

Е. Л. Рябовой, Е. В. Демкиной, В. Н. Быковского, Д. В. Бобылева, И. А. Горбуновой, В. В. Козлова, Н. П. Башкатовой и М. И. Резниковой.

Во-вторых, это исследования, опирающиеся на исторический материал отдельных казачьих войск России. Среди них научные работы С. Г. Александрова, А. В. Григорьевой, Ю. Г. Абакумова, Н. Г. Баженовой, А. В. Коновалова, С. Н. Даньшова, И. В. Холина, Н. А. Бедневой, А. Л. Михашенко и др. [2, с. 31, 35]. По истории сибирского казачества можно выделить труды таких исследователей, как Ю. Г. Недбай [3], А. Т. Топчий, О. П. Вутын [4], С. М. Андреев [5], Е. Н. Гусева [6], В. О. Дубинин [7], Д. В. Колупаев [8], В. С. Сулимов [9], Н. С. Жукова [10], М. И. Федорова [11]. В указанных работах содержится большой пласт фактического материала по истории учебных заведений Сибирского казачьего войска, подробно рассмотрена эволюция системы обучения сибирских казаков.

В педагогических исследованиях В. Г. Визера [12], Д. Ю. Трушниковой [13], П. И. Фроловой [14] сибирское казачество рассматривается как социокультурное сообщество, исторический и педагогический опыт которого возможно использовать для реализации традиционной модели системы военно-патриотического воспитания учащихся.

Несмотря на то, что система образования в Сибирском казачьем войске достаточно широко представлена в исторических и в историко-педагогических исследованиях, роль и положение учителя в рамках этой системы не были предметом специального историко-педагогического исследования.

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

С начала своего образования в 1808 г. Сибирское линейное казачье войско остро нуждалось в квалифицированных кадрах: чиновниках, врачах, учителях, ветеринарах. Войсковое начальство обращало внимание на талантливых юношей из станиц, выплачивало им войсковые стипендии и, таким образом, готовило для себя нужных специалистов. Казачье образование в целом находилось в контексте регионального образовательного пространства Западной Сибири и определялось «...многими внешними к образованию... факторами: природно-географической характеристикой территории, особенностью региона как “порубейя”, фронта, целями российского государства на сибирской окраине» [15, с. 44]. Выходцы из казачьей среды становились переводчиками восточных языков, военными и административными чиновниками, писарями при окружных приказах, открываемых в казахской степи.

В целях увеличения общей грамотности казаков, по распоряжению командующего войском С. Б. Броневского, в 1815 г. были открыты полковые и эскадронные (сотенные) школы. Обучение казаков возлагалось на полковых и сотенных командиров, которые должны были организовать образовательный процесс. С семи лет все казачьи малолетки стали учиться чтению, письму, арифметике, катехизису, священной истории, а также правилам «в отношении к Богу, его святым и к общественной жизни» [16, с. 4].

Школьными учителями становились выпускники войскового училища, открытого в Омске в 1813 г., с 1846 г. учителя

лей готовили в Омском батальоне военных кантонистов. Так как к середине XIX в. численность войска возросла за счет зачисления в казаки крестьян центральных губерний России, в новых станицах возникла потребность в педагогических кадрах. Инициатива решения проблемы исходила сверху от военного ведомства Российской империи — Департамента военных поселений, который издал документ и постановил к исполнению следующее: «Для приготовления учителей в сотенных школах Сибирского линейного казачьего войска... прикомандировать к верхнему классу Омского класса военных кантонистов из числа обучающихся в упомянутых школах казачьих малолетков, по два от каждого полка, всего из 10 полков — 20 малолетков, самых благонадежных к продолжению наук, с тем, чтобы они имели не менее 15 и не более 17 лет... Все издержки на содержание означенных малолетков... отнести на войсковые суммы Сибирского линейного казачьего войска» (цит. по: [8, с. 106]).

Новые возможности для развития образования в поселениях сибирского казачества появились в эпоху реформ Александра II. В частности, Сибирскому казачьему войску было разрешено посылать шесть стипендиатов в высшие и средние гражданские учебные заведения России [8, с. 107]. С одной стороны, это было необходимое и положительное решение; с другой стороны, даже этот шаг не решал кадрового вопроса, который стоял достаточно остро. В 1877 г. войско выделило 12 тыс. руб. пособия станичным и поселковым начальным школам. Часть этих средств была также предназначена для обучения в Омской учительской семинарии 10 войсковых стипендиатов — от каждой станицы по одному способному мальчику «для приготовления в учителя» [16, с. 10], с последующим направлением их в станичные школы.

В 1884 г., по распоряжению генерал-губернатора Степного края, который был одновременно войсковым наказным атаманом, казачьи школы передали в ведение войсковой администрации. Непосредственное руководство ими было возложено на атаманов военных отделов. Они же по соглашению со станичными обществами утверждали кандидатуры школьных учителей.

Вместе с тем контроль уровня подготовки учителей и организации учебного процесса был возложен на инспекторов народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей, должности которых были введены в 1885 г. Свои замечания по учебной части они сообщали атаманам военных отделов, которые, в соответствии с рекомендациями инспекторов, должны были обеспечивать школы всем необходимым.

Сословный состав учителей в станицах был достаточно пестрым: конечно, в основной массе — казаки (часто отставные) и казачки, но также жены и дочери офицеров, девушки мещанского и крестьянского происхождения, церковнослужители.

Войсковое начальство было озабочено тем, что в большинстве школ учителями и учительницами состоят лица, не получившие специальной педагогической подготовки, так как они по большей части или ученики уездного училища, или ученицы 3–4 классов женской прогимназии, весь педагогический опыт которых ограничивается только тем,

что в течение полугода они слушали и давали уроки в какой-либо приходской школе. Многие из них только поверхностно знакомы с педагогикой, а в деле обучения при всём своем старании не могут избежать крупных недостатков и значительных пробелов. Отчасти эта проблема решалась за счет кратковременных педагогических курсов (съездов) для учителей, обычно проводившихся в летние месяцы [17, л. 39–39 об., 58].

Вплоть до середины 1890-х гг. в войске существовали передвижные школы, учитель которой вовсе не имел постоянного местопребывания и поочередно, наездами, обучал детей нескольких поселков. Такие школы действовали в поселках Степном, Курганском, Орловском, Покровском [18, л. 5]. В тех поселках, где не было начальных или подвижных школ, казачата обучались грамоте под руководством вольнонаемных учителей на квартирах самих учителей [8, с. 109].

От учителя напрямую зависел уровень образования в войске. На каждого учителя в конце XIX — начале XX в. приходилось от 30 до 45 учеников разного возраста (от 7 до 16 лет), причем группы детей различных лет обучения зачастую находились в одном помещении (иногда в разных), и учитель одновременно занимался с каждой из них. Учитывая постоянную нехватку учителей и недостаток средств обучения, в войске широко применялась система взаимного обучения английского педагога Дж. Ланкастера [5, с. 231]. Большую роль играли так называемые помощники — либо те, кто уже окончил курс начальной школы, либо старшие ученики; они помогали младшим осваивать учебные предметы. При отсутствии учителя занятий в станице не проводилось. В конце учебного года учитель должен был составить отчет, в котором фиксировались основные показатели учебного процесса, а также указывались административные и хозяйственные аспекты функционирования школы. Отчеты собирал атаман военного отдела, который, в свою очередь, отчитывался перед наказным атаманом Сибирского казачьего войска [19, л. 23].

Вся воспитательная система сибирского казачества, как и в других войсках, базировалась на консервативных идеологических установках о нерушимости морально-нравственных принципов христианского вероучения и незыблемости самодержавной власти [7, с. 17]. Учитель играл огромную роль в процессе воспитания будущего воина-казака; формировал представление об истории, представление о военном прошлом Российской империи, о значении знамени; передавал основы чинопочитания и строевой подготовки; проводил занятия гимнастикой и подвижными играми; формировал умение преодолевать различные препятствия и умение верховой езды. Именно в станичной школе закладывались навыки дисциплины, чувство долга перед отечеством и монархом. Система воспитания в казачьей среде, помимо духовно-нравственной, имела и социально-историческую составляющую: бытовой уклад, а самое главное, изначальное предназначение казака определяли его отношение к жизни, к монарху и отечеству [7, с. 20]. Об этом ярко свидетельствовала надпись на войсковом значке, который казак носил на груди: «Царская служилая рать».

Как правило, станичный учитель оказывался одним из интеллектуальных и нравственных ориентиров для казачьих малолетков, а порой и для всего станичного общества. Так, в одном из приказов 1911 г. атаман 1-го военного отдела, оценивая роль учителя в станице Котуркульской (Кочетавского уезда), писал: «Во всех отношениях станица стояла одной из первых: люди всегда отличались вежливостью и исполнительностью, аккуратностью и чистотой, и грамотностью. В этой станице покойный Роман Мамонтович Красноусов учительствовал 45 лет и воспитал три поколения: деда, сына, внука. Процент грамотности в этой станице был высший в отделе. Атаман отдела и все господа офицеры всегда ставили станицу в примере другим, да и было за что: казаки являлись на службу всегда исправно одетыми, на хороших лошадях, трезвые, грамотны, исполнительны. Пришло время, Отец Учитель волею Божию умер, настали тяжелые года 1905, 1906 и 1907. ...Образцовая станица быстро пошла по наклонной плоскости, за эти три года быстро развинулась и все свои сбережения прожила; стали повторяться частые ссоры в семье, дети начали не почитать своих родителей, развелось пьянство, участились ночные разгулы молодежи, порядок в станице не стало» [20, л. 214].

Материально труд учителей далеко не всегда оценивался должным образом, благосостояние педагогов в значительной степени зависело от состояния станичных капиталов. Бедные поселки не соглашались на увеличение содержания учителям, отсюда постоянная кадровая проблема.

Стоит отметить, что в войске существовало неравенство в оплате учительского труда между мужчиной и женщиной. Если учителя-мужчины в 1894 г. получали 165 руб. (в среднем по войску), то учительницы-женщины — 132 руб. Станичные власти объясняли это тем, что женщины не могут преподавать некоторые дисциплины, в частности гимнастику. Парадоксальным было то, что подготовка учительниц зачастую была значительно выше квалификации их коллег-мужчин [5, с. 234]. Правда, кроме жалованья учитель пользовался рядом льгот, которые также обеспечивались поселковыми обществами и имели натуральное или денежное выражение. Так, педагогу предоставлялась бесплатная квартира, в зажиточных поселках «квартирное обеспечение» учитель мог получить деньгами. Размер выплат подобного рода постепенно возрастал от 17–20 руб. ежегодно в начале 1890-х гг. до 20–60 руб. в начале XX в. Кроме этого, станичное общество обязано было обеспечить квартиру учителя бесплатным топливом и освещением, в некоторых станицах учителю выделялся сенокосный пай и пахотная земля [21, л. 7 об.].

Следствием низкого материального обеспечения и сложных условий труда педагогов, численность которых в конце XIX — начале XX в. колебалась от 140 до 160 человек, стала текучесть кадров. В условиях хронической нехватки учителей, когда в войске ежегодно насчитывалось от 8 до 18 вакантных мест, не существовало и не могло быть каких-либо жестких критериев для подбора преподавателей. Уровень образования и подготовки учителей, набравшихся путем вольного найма, был самым различным. Так, в 1894 г.

среднее образование имели 21 % из них, 76 % составляли лица, окончившие прогимназии и 5-классные городские училища, 3 % учителей прошли обучение лишь в начальных народных школах. Получившие педагогическую подготовку составляли лишь 15 % от общего числа учителей. Многие из них, получив за счет войска образование в Омской учительской семинарии и отработав после ее окончания установленные войсковой администрацией сроки, уходили в школы Министерства народного просвещения, находя условия работы в них значительно лучшими [5, с. 234].

В начале XX в. педагоги со средним образованием составляли лишь 5–10 % учителей войсковых начальных школ. Другой тенденцией, наметившейся на рубеже веков, стало неуклонное вытеснение учительницами своих коллег-мужчин.

Некоторое улучшение в кадровом вопросе наметилось в начале XX в., когда войсковой администрации было разрешено выделять больше средств из войскового капитала для материального обеспечения учителей. В 1904 г. минимальный размер их жалованья был увеличен до 216 руб., содержание педагогов в бедных поселках войско взяло на свой счет. Был, наконец, решен вопрос об учительских пенсиях. В 1902 г. Министерство народного просвещения предложило привлечь учителей войсковых начальных школ к участию в пенсионной кассе учителей гражданского ведомства. Войсковая администрация поддержала это предложение. Выплаты первоначального и ежегодных взносов, составлявших по 6 % от размера содержания учителя, были приняты на счет войскового капитала (отчисления эти, например, к 1913 г. составляли 7228 руб. 56 коп.).

Войсковое начальство стремилось поддерживать и поощрять лучших учителей и учительниц начальных школ. Для этого были учреждены ежегодные денежные премии бывшего наказного атамана войска генерал-адъютанта Казнакова (в 1887-м) и генерал-лейтенанта Богуславского. К 1 января 1904 г. премиальный фонд составлял 862 руб. 73 коп. В качестве наград учителя получали серебряные и золотые медали, другие награды, выражение благодарности от войскового наказного атамана [16, с. 88; 22, с. 126].

В связи с Первой мировой войной и мобилизацией учителей на фронт, войсковое начальство старалось помогать их семьям. Осуществлялась материальная поддержка в виде пенсий, появилась возможность поехать в учительский санаторий, увеличивались войсковые стипендии в Омской и Семипалатинской учительских семинариях [23, л. 1 об.]. К концу 1915 г. насчитывалось 188 начальных школ (17 из них были женскими), в которых обучались 11 153 человека обоего пола; 175 школ уже имели собственные здания. Школьный педагогический состав вырос до 244 человек (учителей — 63, учительниц — 152, учительских помощников — 29).

Начиная с 1916 г. по решению войсковых властей увеличилось количество стипендий в Омской учительской семинарии, более того — был поставлен вопрос об учреждении в войске собственного подобного учебного заведения. Для замены выбывших педагогов вводился институт запасных учителей (один на 50 работающих) [5, с. 235]. После

Февральской революции и бурных событий 1917 г. были сделаны попытки снизу реформировать систему образования. С целью устранить проблему нехватки квалифицированных учителей казаки станицы Щучинской (Кокчетавский уезд) ходатайствовали о получении разрешения на открытие в станице «учительской семинарии при условии, если Войсковая управа выделит средств на оборудование» [24, л. 5]. Инициатива не была поддержана войсковым начальством, доступные средства были направлены на открытие еще одной гимназии.

К этому времени учитель войсковой школы был уже не просто человеком, обучающим письму и счёту. Он выступал популяризатором многих отраслей знаний, организовывал воскресные чтения и беседы, собиравшие до нескольких сотен слушателей, вел кружки, руководил постановками детских спектаклей, выписывал для школы необходимые принадлежности. Во многом именно на учителей начальных школ опирались в своей работе представители агрономической организации войска. Специально для них устраивались различного рода практические сельскохозяйственные курсы, после окончания которых преподаватели становились проводниками передовых хозяйственных идей на местах. Уровень грамотности среди казаков в эти годы увеличился до 66,3 %, среди казачек — до 33,6 % [5, с. 235]. Всё это говорит о несомненных успехах системы образования в сибирских казачьих поселениях, которые не могли не состояться без активного участия учительского сообщества.

Заключение (Conclusion)

Институт учительства в системе обучения и воспитания Сибирского казачьего войска (XIX — начало XX в.) прошёл сложный путь становления. В течение этого времени роль и положение учителя в казачьей среде менялось. Если сна-

чала задача учителя была в том, чтобы обучить грамоте, то впоследствии учитель становился проводником интеллектуальных знаний и ценностных систем. Это стало возможным благодаря усилиям самих казаков, в результате которых система образования казаков, с одной стороны, оставалась обособленной и сохраняла свой традиционный уклад, с другой, была частью государственной политики в области образования, что приводило к ее трансформации. У такой системы отмечался и обратный эффект, когда позитивные изменения с трудом принимались казачьим сословием, а негативные пережитки искоренялись очень сложно.

Нехватка учителей в сибирском казачестве компенсировалась за счет некоторых особенностей данного локального сообщества. Так, в казачьей среде эффективной была система взаимного обучения, когда у учителя были помощники из старших учеников, которые помогали младшим осваивать учебные предметы. Еще одной особенностью стало то, что воспитательная система сибирского казачества базировалась на сословном консерватизме, монархизме и религиозности.

Учителя в Сибирском казачьем войске сталкивались с рядом проблем, которые были типичны для института учительства в целом по стране, но в войске они приобретали еще более сложные формы. Труд учителей не всегда в материальном плане оценивался достойно, его оплата практически всегда зависела от возможности станичных капиталов. Отсюда возникала текучесть кадров и уход учителей в гражданские учебные заведения. Усугублялась эта ситуация существованием неравенства в оплате труда между учителями — женщинами и мужчинами. Некоторые улучшения наметились только в начале XX в., и связаны они были с изменениями подходов к учительству внутри казачьего сообщества. Тем не менее вплоть до упразднения Сибирского казачьего войска учитель продолжал оставаться важным звеном в системе обучения и воспитания казаков.

Библиографический список

1. Чуркина Н. И. Проблемы и перспективы современных историко-педагогических исследований // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2014. № 1 (2). С. 135–137.
2. Юрченко И. Ю. Исторический феномен казачества и проблем этно-социальной идентификации в российских диссертационных исследованиях последних лет по педагогике // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. : История и политические науки. 2010. № 4–5. С. 30–35.
3. Недбай Ю. Г. История Сибирского казачьего войска (1725–1861) : в 2 т. Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2001. Т. I. 428 с.
4. Топчий А. Т., Вутын О. П. Войсковые учебные заведения сибирского казачества (по материалам Г. Е. Катанаева) // Образование в Сибири. 1995. № 1. С. 125–130.
5. Андреев С. М. Начальные школы в Сибирском казачьем войске // Философия образования. 2006. Вып. 2. С. 231–235.
6. Гусева Е. Н. Проблемы начального школьного образования в Сибирском казачьем войске (по материалам Государственного архива Омской области) // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее : материалы Межрег. науч.-практ. конф. Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2003. С. 136–138.
7. Дубинин В. О. Воинское воспитание в гарнизонах Западной Сибири (1865–1906 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. 23 с.
8. Колупаев Д. В. Образование в поселениях Сибирского казачьего войска во второй половине XIX в. // Изв. Алт. гос. ун-та. 2008. № 4-4 (60). С. 106–112.
9. Сулимов В. С. Организация обучения казаков в школах Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Сибирское казачество: история и современность : сб. науч. ст. / под ред. М. А. Жигуновой, Н. А. Томилова. Омск : Изд. дом «Наука», 2011. С. 136–141.
10. Жукова Н. С. Войсковая ветеринарно-фельдшерская школа Сибирского казачьего войска в документах исторического архива Омской области (1879–1894 годы) // Недбаевские исторические чтения. Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2012. С. 374–380.

11. Казачье образование в Сибирском казачьем войске в конце XIX — начале XX вв.: историографический аспект // М. И. Федорова, С. А. Попов, К. А. Манченко, А. Н. Романова // Казачество на службе Отечества : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Омск : Амфора, 2022. С. 83–87.
12. Визер В. Г. Военно-патриотическое воспитание учащихся с учетом традиций сибирского казачества : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2006. 21 с.
13. Трушников Д. Ю. Этнопедагогическая культура сибирского казачества // Династия Романовых и казачество как факторы российской истории и культуры : материалы Всерос. молодеж. круглого стола. Тюмень : Тюм. гос. ун-т, 2013. С. 222–227.
14. Фролова П. И. Приобщение молодежи к культурно-историческому наследию родного края // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему : материалы I Всерос. междисциплинар. науч. конф. / отв. ред. И. П. Геращенко. Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2019. С. 58–61.
15. Чуркина Н. И. Социокультурные факторы развития образования Западной Сибири (вторая половина XIX — начало XX века) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2011. № 13 (115). С. 40–45.
16. Третьяков Н. В. Начальные школы Сибирского казачьего войска в конце XIX века : (Опыт историко-статистического исследования). СПб. : Типолит. А. А. Лейферта, 1903. 155 с.
17. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 67. Оп. 2. Д. 1941.
18. ИАОО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 17810.
19. ИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 1857.
20. ИАОО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 20.
21. ИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2005.
22. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1903 г. Часть гражданская. Омск : Тип. штаба Сиб. военного округа, 1905. 126 с.
23. ИАОО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 11.
24. Государственный архив Акмолинской области. Ф. 1350 (1525). Оп. 1. Д. 169.

References

- Andreev S. M. (2006) *Nachal'nye shkoly v Sibirskom kazach'em voiske [Elementary Schools in the Siberian Cossack Army]*, *Filosofiya obrazovaniya [Philosophy of Education]**, issue 2, pp. 231–235. (in Russian)*
- Churkina N. I. (2011) *Sotsiokul'turnye faktory razvitiya obrazovaniya Zapadnoi Sibiri (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka) [Social and Cultural Factors of Pedagogical Education Development in Western Siberia (Second Half of the 19th — Beginning of 20th Century)]*, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [TSPU Bulletin]*, no. 13 (115), pp. 40–45. (in Russian)
- Churkina N. I. (2014) *Problemy i perspektivy sovremennykh istoriko-pedagogicheskikh issledovaniy [Problems and Prospects of the Modern Historical and Pedagogical Research]*, *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research]*, no. 1 (2), pp. 135–137. (in Russian)
- Dubin V. O. (2006) *Voinskoe vospitanie v garnizonakh Zapadnoi Sibiri (1865–1906 gody) [Military Education in the Garrisons of Western Siberia (1865–1906)]**, Cand. hist. sci. diss. Abstr. Омск, 23 p. (in Russian)
- Fedorova M. I., Popov S. A., Manchenko K. A., Romanova A. N. (2022) *Kazach'e obrazovanie v Sibirskom kazach'em voiske v kontse XIX — nachale XX vekov: istoriograficheskii aspekt [Cossack Education in the Siberian Cossack Army in the Late XIX — Early XX Centuries: Historiographical Aspect]*, *Kazachestvo na sluzhbe Otechestva [Cossacks in the Service of the Fatherland]**. Омск, Амфора Publ., pp. 83–87. (in Russian)*
- Frolova P. I. (2019) *Prionshchenie molodezhi k kul'turno-istoricheskomu naslediyu rodnogo kraia [Introducing Youth to the Cultural and Historical Heritage of Their Native Land]*, *Gerashchenko I. P. (ed.) Poznanie i deyatel'nost': ot proshlogo k nastoyashchemu [Cognition and Activity: From the Past to the Present]**. Омск, OSPU Publishing House, pp. 58–61. (in Russian)*
- Gosudarstvennyi arkhiv Akmolinskoi oblasti [State Archive of Akmolinsk Oblast]**, coll. 1350 (1525), aids 1, fol. 169. (in Russian)
- Guseva E. N. (2003) *Problemy nachal'nogo shkol'nogo obrazovaniya v Sibirskom kazach'em voiske (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Omskoi oblasti) [Problems of Primary School Education in the Siberian Cossack Army (Based on the Materials of the State Archive of the Omsk Region)]**, *Sibirskoe kazachestvo: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Siberian Cossacks: Past, Present, Future]**. Омск, OSPU Publishing House, pp. 136–138. (in Russian)
- Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO) [State Historical Archive of the Omsk region (IAOO)]**, coll. 3, aids 12, fol. 17810. (in Russian)
- Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO) [State Historical Archive of the Omsk region (IAOO)]**, coll. 28, aids 1, fol. 11. (in Russian)
- Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO) [State Historical Archive of the Omsk region (IAOO)]**, coll. 54, aids 1, fol. 20. (in Russian)
- Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO) [State Historical Archive of the Omsk region (IAOO)]**, coll. 67, aids 2, fol. 1857. (in Russian)

*Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO) [State Historical Archive of the Omsk Region (IAOO)]**, coll. 67, aids 2, fol. 1941. (in Russian)

*Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO) [State Historical Archive of the Omsk region (IAOO)]**, coll. 67, aids 2, fol. 2005. (in Russian)

Kolupaev D. V. (2008) *Obrazovanie v poseleniyakh Sibirskogo kazach'ego voiska vo vtoroi polovine XIX veka [Education in Settlements of the Siberian Cossacks in the Second Half of 19th Century]*, *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [Izvestiya of Altai State University]*, no. 4-4 (60), pp. 106–112. (in Russian)

Nedbai Yu. G. (2001) *Istoriya Sibirskogo kazach'ego voiska (1725–1861) [History of the Siberian Cossack Army (1725–1861)]**. Omsk, OGPU Publishing House, vol. 1, 428 p. (in Russian)

*Otchet o sostoyanii Sibirskogo kazach'ego voiska za 1903 god. Chast' grazhdanskaya [Report on the State of the Siberian Cossack Army for 1903. Part of the Civil]** (1905) Omsk, Tipografiya shtaba Sibirskogo voennogo okruga Publ., 126 p. (in Russian)

Sulimov V. S. (2011) *Organizatsiya obucheniya kazakov v shkolakh Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka [Organization of Training of Cossacks in Schools of Western Siberia in the Second Half of the 19th — Early 20th Century]**, Zhigunova M. A., Tomilov N. A. (eds.) *Sibirskoe kazachestvo: istoriya i sovremennost' [Siberian Cossacks: History and Modernity]**. Omsk, Nauka Publ., pp. 136–141. (in Russian)

Topchii A. T., Vutyn O. P. (1995) *Voiskovyie uchebnye zavedeniya sibirskogo kazachestva (po materialam G. E. Katanaeva) [Military Educational Institutions of the Siberian Cossacks (Based on the Materials of G. E. Katanaeva)]**, *Obrazovanie v Sibiri [Education in Siberia]**, no. 1, pp. 125–130. (in Russian)

Tret'yakov N. V. (1903) *Nachal'nye shkoly Sibirskogo kazach'ego voiska v kontse XIX veka: (Opyt istoriko-statisticheskogo issledovaniya) [Cossack Army at the end of the 19th Century: (Experience of Historical and Statistical Research)]**. Saint Petersburg, Tipolitografiya Leiferta A. A. Publ., 155 p. (in Russian)

Trushnikov D. Yu. (2013) *Ehtnopedagogicheskaya kul'tura sibirskogo kazachestva [Ethnopedagogic Culture of the Siberian Cossacks]**, *Dinastiya Romanovykh i kazachestvo kak faktory rossiiskoi istorii i kul'tury [The Romanov Dynasty and the Cossacks as Factors of Russian History and Culture]**. Tyumen, Tyumenskii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 222–227. (in Russian)

Vizer V. G. (2006) *Voенно-patrioticheskoe vospitanie uchashchikhsya s uchetom traditsii sibirskogo kazachestva [Military-Patriotic Education of Students Taking into Account the Traditions of the Siberian Cossacks]**, Cand. ped. sci. diss. Abstr. Omsk, 21 p. (in Russian)

Yurchenko I. Yu. (2010) *Istoricheskii fenomen kazachestva i problem ehtno-sotsial'noi identifikatsii v rossiiskikh dissertatsionnykh issledovaniyakh poslednikh let po pedagogike [Cossacks as an Historical Phenomena and the Problem of Their Ethnical and Social Identity. Review of the Educational Theses Over the Last Few Years]*, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences]*, no. 4–5, pp. 30–35. (in Russian)

Zhukova N. S. (2012) *Voiskovaya veterinarno-fel'dsherskaya shkola Sibirskogo kazach'ego voiska v dokumentakh istoricheskogo arkhiva Omskoi oblasti (1879–1894 gody) [Military Veterinary and Paramedic School of the Siberian Cossack Army in the Documents of the Historical Archive of the Omsk Region (1879–1894)]**, *Nedbaevskie istoricheskie chteniya [The Nedbay Historical Readings]**. Omsk, OGPU Publishing House, pp. 374–380. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен авторами статьи / Translated by the authors of the article.